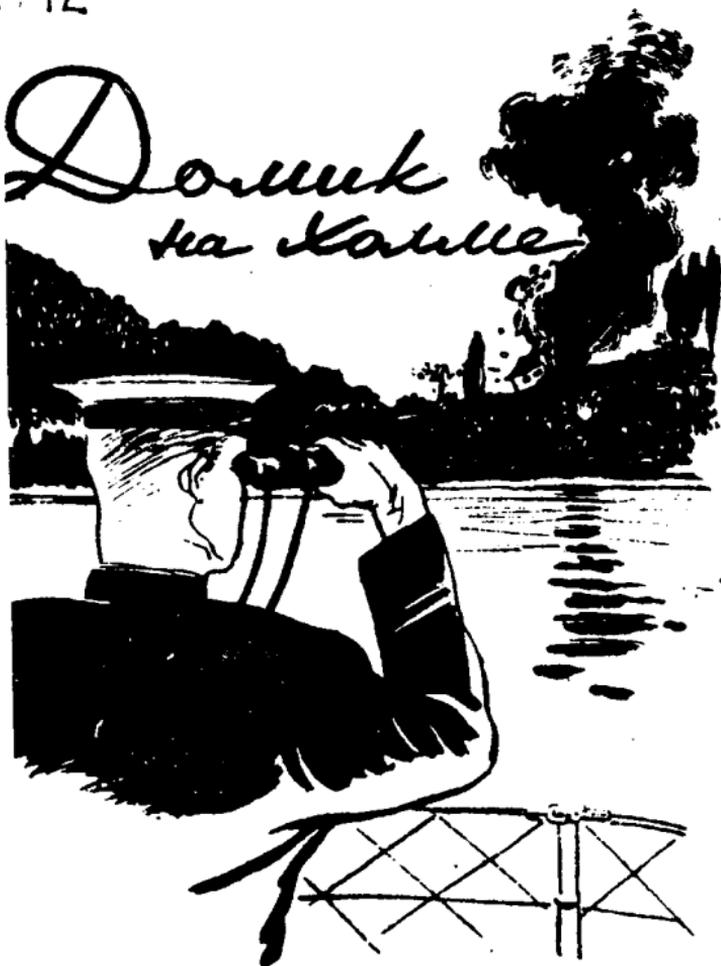

29642

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

В. КАБЕРИН

Домик
на Камне

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

1942

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Домик на холме	3
Морская пехота	10
«Кнопка»	21

ДОМИК НА ХОЛМЕ

Лет двадцати четырех, а на вид двадцати, с розовым свежим лицом, немного толстый и, должно быть, поэтому особенно живой и подвижной, он был так полон жизни, что вы начинали чувствовать это с первой минуты знакомства. Можно сказать, что он был совершенно счастлив. Но была еще и одна, особенная, причина его полного счастья: не прошло и полугода, как он женился. Он много рассказывал о своей жене и при этом безбожно хвалил ее, что было, конечно, вполне простительно. По его словам, она была умная, красивая и вообще замечательная во всех отношениях. И он показывал ее карточку и краснел, как мальчик.

Теперь он стоял рядом со мной на баке и называл места, мимо которых мы проходили. Он родился и вырос в этих местах и недавно, перед самой войной, ездил к своим старикам в К., что сравнительно недалеко от границы. Целый месяц он с молодой женой провел в К., и, дол-

жно быть, хорош же был этот месяц в колхозных садах, весной, на берегу моря!

Даже о жаре, когда и цикады переставали звенеть,* Апостóли рассказывал с восторгом. А ночные купанья в такой тишине, что сам невольно начинаешь говорить шопотом... Потом он уехал, а жена осталась гостить у стариков. Забавно было бы на обратном пути нагрять к ней в гости. Впрочем, завтра, седьмого, она уезжает в Сухуми. И старики уезжают — все-таки К. в сорока километрах от границы.

Начало темнеть, и полная луна поднялась и неторопливо, устроила весь мир по-своему: на море, вдоль тени, лежащей по горизонту, она поместила великолепную золотую полосу, небо сделала темнее и глубже, а берег — таинственнее. Это был еще наш берег. Чайки, стремительно падавшие вниз и срывающие с волн белые ключья пены,— это были еще наши чайки.

В полной тишине, нарушаемой лишь равномерным шумом турбины, вдруг заговорило радио, то-есть заговорил, судя по голосу, наш политрук Толубеев: капитан 3-го ранга приказывал командному составу корабля немедленно явиться в его каюту.

Апостóли ушел. Через четверть часа он вернулся и сказал, что в кают-компании в 0 часов 30 минут назначено партийное собрание. Мне показалось, что он чем-то взволнован. Я не курю — он это прекрасно знал, и вдруг попросил у меня папиросу. Я сказал, что он написал чудную статью для «Боевого листка», и он рассеянно выслушал меня и спросил: «Какую статью?»

После собрания мы разошлись, чтобы разъяснить краснофлотцам задачу похода. Она была ясна: согласно приказу командования мы рано утром шестого августа должны были подойти к энскому берегу и принять участие в операции сухопутных частей.

...Холмистый берег открылся перед нами, красиво расчерченный правильными линиями виноградников, табака и лаванды.

Кое-где в редких купах деревьев были разбросаны домики, и только один из них стоял отдельно от других на высоком холме, полускрытый от нас другим холмом, напоминавшим медведя. Это был белый домик с красной черепичной крышей. Я заметил, что Апостóли долго смотрел на него в бинокль, а когда опустил бинокль, у него было усталое и расстроенное лицо. Кажется, он хотел что-то сказать мне, но

промолчал. Потом он стал смотреть налево — туда, где за каменным забором, тянувшимся вдоль верхней дороги, залегли румыны.

Берег лежал перед нами, как открытая книга, и мы видели с моря все — в том числе и то чего не могли видеть ни румыны, ни немцы. Мы видели, как под прикрытием жестокого пулеметного огня наши саперы поспешно чинили мост, должно быть, взорванный при отступлении, и как в глубине ущелья, над которым еще стояла нежная утренняя дымка, маленькие фигурки бегали, ложась и прячась за камни.

Это тоже были наши, обходившие румынские позиции слева, и румыны, без сомнения, не видели их, потому что били совсем в другую сторону — туда, где стягивались, готовясь переходить через восстановленный мост, наши части. Без сомнения, это и был главный план: подняться по крутому тупику ущелья и неожиданно ударить на румын с левого фланга...

Ровно в шесть мы начали обстрел. С полчаса мы ходили вдоль берега, рассчитывая, что румыны первые откроют огонь и тем обнаружат свои батареи. Но они молчали. Тогда заговорили мы. Апостолъ скомандовал:

— Пеленг 130. Прицел 82.

И первый залп наших пушек ударил по врагам.

Наши в ущелье упрямо шли вперед — даже отсюда, за милою, видно было, как это трудно! Таща на руках пулеметы почти по отвесной стене, они поднимались все выше — туда, откуда падал маленький белый водопад, превращаясь внизу в блестящую на солнце горную речку. Это было здорово, что румыны не видели их! Впрочем, они не могли ожидать, что наши полезут на эту стену, да еще потащат с собой пулеметы.

И вдруг что-то произошло. Заработали румынские минометы, и первые же мины стали рваться в ущелье. Недолет, перелет, опять недолет! Наконец, мины ударили прямо в тутик и, должно быть, наделали немало беды, потому что большие осколки камней высоко полетели в воздух.

Я слышал, как кто-то на мостике сказал с досадой:

— Заметили!

И это слово мигом обошло весь корабль.

Да, заметили. Откуда-то корректировали стрельбу. Откуда?

Конечно, с крыши домика, который стоял так удобно для румын и так неудобно для наших!

Только с крыши домика можно было видеть, что делается в ущелье — и то не на дне, а приблизительно с трех четвертей подъема.

Наш командир подозвал Апостóли, и мы все внизу, у орудий, сразу поняли, что он сказал ему, показав на домик.

Апостóли повернулся. Твердо ступая, он подошел к нам и отдал команду:

— По дому на холме. Фугасными. Орудия зарядить.

Секунда, вторая и третья.

— Залп!

Первые снаряды легли немного правее, но Апостóли исправил прицел, и со второго залпа мы попали прямо в красную черепичную крышу. Все было кончено, но для верности Апостóли скомандовал еще один залп, и столб черного пламени поднялся над домом...

Я посмотрел на Апостóли: у него было бледное, нахмуренное лицо — лицо человека, который лишь мучительными усилиями воли заставляет себя двигаться, говорить и думать. Прежний румяный мальчик исчез — перед нами был человек, перенесший все — самые смертные муки, самые горькие сомнения. Как будто десять

лет прошло за немногие минуты боя — десять лет, полных труда, забот и страданий...

Это был дом, в котором он родился и вырос, в котором еще так недавно он был свободен и счастлив. Он не знал, успели ли покинуть этот дом его близкие — самые близкие люди на свете. Но высокое чувство владело им в эти минуты, чувство, которое поднимает душу и делает человека способным на подвиг. Это чувство — сознание воинского долга — решило в нем мгновенную трагическую борьбу и сделало его героем.

К полудню румыны были выбиты, и наши заняли верхнюю дорогу. Разумеется, от белого домика с черепичной крышей ничего не осталось. Но обитатели его оказались живы. С началом боя они, тайком от румын, выбрались через окно и спустились вниз к морю.

На другой день мы принимали стариков Апостолы на корабле. Это были прекрасные старики: папа, похожий на матроса времен севастопольской обороны, с густыми седыми усами и подусниками, и полная добродушная мама.

Жена тоже была симпатичная. Кстати, она успела за время своего плена узнать много интересного — и вечером мы слушали ее доклад о румынской армии в моральном отношении.

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Это было превосходное место — мельница на маленькой речке, в пяти-шести километрах отсюда впадавшей в Балтийское море. Она была видна с чердака — в просвете между рядами красных в этот час от заходящего солнца сосен.

Такая тишина была вокруг, такая величественная картина открывалась в этом широком, свободном просвете, что трудно, почти невозможно было представить себе, что здесь идет беспощадная, непримиримая война. И что четверо юношей в краснофлотской форме — это форпост одной из частей морской пехоты. И что этот форпост, неслышный и невидный, на дереве сливающийся с листвой, прячущийся в оврагах и ямах, без сна и отдыха, с бесконечным терпением наблюдает за всем, что делается на земле и на небе.

В просторном помещении мельницы было полутемно и прохладно. Еще лежали в углу мешки с мукой. Повсюду, во всех углах и щелях, была тонкая муčná пыль, так что все четверо скоро были выбелены на славу. Они осмотрели мельницу и заняли свои посты. Саша Пегов остался на чердаке. Маленький, неуклюжий

Зайцев занял пост над речкой справа, аккуратный Веретьев скрылся в лесу, связист Курочкин возился внизу у плотины, маскируясь и налаживая связь.

И вот начались долгие часы ожидания. Медленно приближалась ночь, тени становились длиннее. Уже над морем появилась чуть прозрачная белая муть и берега потеряли прежние строгие очертания. Дорога, за которой наблюдал Саша Пегов из окна чердака, потемнела и с прежней отчетливостью была еще видна только на поворотах. Но все-таки она была видна, хотя уже первый час был на исходе. Значит, она будет видна всю ночь, значит, здесь ночи лишь немного темнее, чем в Ленинграде.

В Ленинграде он окончил школу и пошел на фронт. В Ленинграде остались его старики. Ему было только двадцать лет, и нет ничего удивительного в том, что он не особенно задумывался над тем — любит ли он свой город. Конечно, он любил его, потому что это был его родной город, в котором он родился и вырос. Но он не знал, как он любит его!

Накануне отъезда его на несколько часов отпустили домой. Он простился со стариками, а потом на набережной встретился со знакомой

девушкой, и они прошлись вдоль Летнего сада. Над зданием Военно-Медицинской академии небо было темносинее, светлосинее, желтое, оранжевое, всех цветов, какие только есть на свете. Где-то там было солнце. А над Петропавловской крепостью все было совершенно другим — неподвижным и туманно-серым, — настолько другим, что нельзя было поверить, что это одно и то же небо. И они сперва долго смотрели на крепость и ее небо, а потом поворачивались к Военно-Медицинской академии и ее небу, и это был как бы мгновенный переезд из одной страны в другую — из неподвижной и серой в прекрасную, живую, с быстро меняющимися цветами.

— Вот, Саша, что ты будешь защищать, — сказала девушка. — Понятно?

Он засмеялся и сказал:

— Понятно.

И сейчас, в этот ночной час, это было понятно, как никогда. Где-то, далеко на восток, на берегу моря лежал огромный, близкий сердцу, великолепный город. Он спит сейчас, выставив сторожевые посты у каждого ворот и на каждой крыше. Аэростаты воздушного ограждения висят над ним, похожие на больших серебряных рыб с толстыми ушами. На Петроградской спит

мать или не спит, а думает о нем: «Где мой Саша?»

Ему показалось, что легкое облачко пыли поднялось над взгорьем — там, где дорога круто шла вверх и вдруг обрывалась. Но облачко растаяло. Тишина, тишина!

И вдруг в этой тишине, нарушаемой лишь сонным всплеском рыбы, раздался очень далекий, металлический звук. Еще ничего не было видно, только снова появилось над взгорьем облачко пыли, а этот металлический скрежещущий звук все приближался.

Зайцев скатился с берега и мигом перемахнул через плотину.

— Танки,— не переводя дыхания, сказал он.

— Да, вижу.

Это было очень неожиданно здесь, так близко от моря. Воздушный десант? Так или иначе, это были танки, должно быть, штук пять.

Можно было не спрашивать, знает ли уже об этом связист и сообщил ли он командиру части: связист сообщил. Через две минуты после того, как Пегов увидел на дороге облачко пыли, в журнале донесений Энской части появилась запись: «Замечено пять немецких танков. Идут на нас».

То, ради чего четверо юношей в краснофлотской форме лежали всю ночь, наблюдая за всем, что делалось на земле и на небе, было выполнено. Теперь они могли уйти к своим, если хватит времени, или спрятаться, то-есть пропустить танки и начать действия в тылу. Они не сделали ни того, ни другого. Оружия было не так много: четыре винтовки, несколько связок гранат. Зато дорога с крутого подъема скатывалась вниз и с полкилометра шла вдоль берега речки, по гати. Потом начался мост, а за ним плотина — все узкие места, удобные для защиты.

Теперь они все вчетвером собрались на чердаке и молча стояли, слушая, как нарастает, приближаясь, равномерный грохот машин. Пегов посмотрел на товарищей. Веретьев, подтянутый и, как всегда, особенно тщательно одетый, спокойно ждал приказаний. Может быть, он был немного бледнее, чем обычно. Маленький Зайцев деловито устроивался у окна — у него был такой вид, как будто он всю жизнь только и делал, что с винтовкой в руках сражался против танков. Только связист немного растерялся, зачем-то притащил наверх аппарат, надел его на плечо, опять снял...

Грохот все приближался, и вот первые танки показали на взгорье. Они шли на хорошей скорости — только-что были далеко, а вот уже ближе и ближе. Солнце все вставало, и в бледном утреннем свете они шли и шли — упрямые, горбатые, похожие на бронтозавров, машины.

Кажется, не было на свете силы, которая могла бы остановить это грозное, решительное движение... Они шли, как победители, прошедшие полмира. За ними были разрушенные города, тысячи трупов, склоненные знамена. За ними была ограбленная и сожженная Европа. Перед ними в маленькой деревянной мельнице были четверо юношей в краснофлотской форме.

Пегов немного боялся, что связист рано бросит гранаты. Пегов давно присматривался к нему и решил, что он — нервный. Головной танк был теперь совсем близко, и если Курочкин подорвет его до въезда на мост, — ничего не выйдет, потому что задние обойдут и станут бить с тыла. Нужно было послать Зайцева, а Зайцева — нельзя, потому что прекрасно стреляет. Веретьева... Или итти самому... Секунда, другая, третья. Танк с разбегу влетел на мост. Взрыв! Связист бросил гранаты.

Очевидно, это было сделано неплохо, потому

что танк остановился и круто пошел направо. Направо была река, он сломал перила и, как подбитое чудовище, повис над водой. Стрелок открыл люк. Пегов немедленно бросил в люк гранату.

Теперь нужно было приниматься за второй танк, что было гораздо сложнее, потому что он остановился на самом въезде, как будто задумался — что теперь делать. Впрочем, особенно долго думать ему не пришлось. Вторая связка полетела в него из-за угла — Веретьев. Танк рванулся вперед, потом назад. Люди выскочили из него, и маленький Зайцев, не переводя дыхания, пятью выстрелами убил их из винтовки.

Он сам был убит ровно через минуту. Снарядом снесло крышу мельницы, и осколок попал ему в грудь.

Вдруг наступила тишина. Пегов, отброшенный в сторону, поднялся и медленно встал на колени. На чердаке стояли весы, падая, он ударился о них и теперь, выбираясь из-под сломанных досок, чувствовал сильную боль в плече — наверное, вывихнул. Но об этом некогда было думать.

Он взял у Зайцева винтовку, зарядил ее и спустился вниз. Веретьев стоял на ларе у маленького окна. Очевидно, то, что он видел, было очень интересно, потому что он смотрел, не отрываясь, и только молча показал Пегову, чтобы он встал подле него.

Прямо под окном был привод от жернова и станок, на котором делали дранку, а дальше штабеля напиленной и приготовленной для дранья осины. Между этими штабелями полз человек. В другом просвете мелькнул еще один. Третий, четвертый...

— Хотят окружить,— шопотом сказал Веретьев.

— Да. Где Курочкин?

— Не знаю.

От штабелей до станка было не больше пяти метров, то-есть расстояние, которое можно перемахнуть двумя шагами. Станут ли они перебегать по одному или бросятся в атаку? Конечно, да. Сейчас выйдут и бросятся в атаку.

Они не бросились в атаку. По одному они стали перебегать и прятаться под станком. Веретьев хотел стрелять, но Пегов остановил его: лучше было встретить их в дверях, а когда бросятся назад,— перебить между станком и штабелями.

Через две минуты они появились в дверях: сперва один робко просунул голову, оглянулся и, обернувшись назад, что-то сказал по-немецки. За ним вошел и остановился на пороге другой. Веретьев выстрелил, и первый упал. Второй бросился назад. Те, что сидели под станком, побежали за ним, и Пегов убил их из винтовки.

...Он почти не волновался, только два или три раза спросил: «Где Курочкин?» — совсем забыв, что уже спрашивал об этом. Никогда прежде он не думал о смерти, не думал и сейчас, когда она была так близка и, кажется, неотразима. Он думал только о том, что танки все-таки удалось остановить и что наши, должно быть, уже выступили, и что самолеты будут здесь самое большее через десять минут.

— Эх, продержаться бы эти десять минут!

Страшный удар, от которого потемнело в глазах, раздался над его головой, стена, подле которой стоял на лаге Веретьев, рассеялась. Он видел, как Веретьев прыгнул вниз и как упавшая балка сбила его с ног и прижала к полу. Пегов прождал с минуту — больше не стреляли — и пробрался к нему. Веретьев был убит наповал.

Теперь, кажется, все было кончено Убиты

Веретьев и Зайцев. Убит, должно быть, и Курочкин — иначе он бы вернулся, он мог проползти под плотинной.

Пегов был один в этом разрушенном маленьком доме. Но ничего не было кончено! С чувством радостной злобы, бешенства, восторга, от которого кружилась голова, он лежал с винтовкой в руках и нетерпеливо ждал.

Ничего не кончено, у него еще были патроны.

— А ну, подойдите-ка, подойдите-ка...— говорил он про себя.

И, точно согласившись на его просьбу, высокий немец, наверное, офицер, хладнокровно вышел из танка и направился к мельнице — к тому, что от нее осталось.

— Сдавайтесь, руссен! — крикнул он.

Пегов выстрелил в него, и офицер упал.

— Ну-ка, давайте, следующий. Ну-ка!

Он устроился удобнее, сделал для винтовки упор.

Второй удар — на этот раз вниз, в каменное основание мельницы, — обрушился на него и отбросил в сторону. Танки подошли с тылу и били по мельнице прямой наводкой.

Последние винтовочные выстрелы умолкли наконец, а они все били и били, чтобы снести,

сломить, уничтожить этот маленький домик и вместе с ним загадочное упорство русских...

Должно быть, он был ранен, хотя и не чувствовал боли. Еще минуту-другую он как бы старался остановить ускользающее сознание. Но оно исчезло наконец, и на смену ему пришлось забыть — полусон. Грохот отдалился, пропал, и он лежал теперь в тишине, с открытыми глазами. Что видели они в эту минуту? Быть может, детство, свободное и счастливое, согретое мечтою о море, прошло перед ним? Или город, близкий сердцу, великолепный город, с прекрасной рекой и строгими, милыми плсцадами.

Ему было бы легче, если бы он знал, что Курочкин жив...

Раненый в руку, Курочкин отполз от плотины и спрятался в камышах. Танки прошли через мост, и тогда, стараясь не очень беспокоить раненую руку, Курочкин стал собирать у мельницы дранку. Костер долго не разгорался — бревна у въезда отсырели от утренней росы, но Курочкин упрямо раздувал костер, и вот, наконец, огонь осторожно прошелся по бревнам и запылал, запылал...

Через час к мельнице подошли наши части, получившие его донесение. Немецкие танки, отступая, остановились перед горящим мостом и были уничтожены. Это был салют четверем юношам в краснофлотской форме. Один из них рассказал то, что вы прочитали.

«КНОПКА»

Это была маленькая, толстая, румяная девушка, с короткими косичками, перевитыми лентами и торчавшими над открытыми, смешными ушами. У нее было много прозвищ: «Мячик», «Чижик». Один боец, когда она еще работала в госпитале, прозвал ее «Пучок энергии». Это было очень меткое прозвище, потому что она действительно была похожа на пучок, состоящий из топота быстрых ног, скороговорки, румянца и косичек. Это была сама энергия, веселая, стремительная и действующая взрывами, как ракета.

Но из всех многочисленных прозвищ удержалось самое простое: «Кнопка». Возможно, что оно намекало на ее маленький нос, напоминавший кнопку. Но она не обижалась. «Кнопка» так «Кнопка»! Главное было, всюду поспеть и все сделать самой. И она поспедала всюду.

В этот день, самый горячий за всю ее 19-летнюю жизнь, она с утра успела поругаться с шофером, сменить повязки раненым бойцам, лежавшим в медсанбате, накормить их, съездить за письмами на почтовую полевую станцию и сделать еще тысячу дел, перечислять которые было бы слишком долго.

Теперь нужно было везти раненых в тыл, и она принялась помогать шоферу, который, ворча что-то себе под нос, вот уже целый час возился с проколотой шиной.

Раненых она уже знала по именам, а кого не знала, того называла «голубушка». «Ну, голубушка, теперь вот сюда,— говорила она командиру, который, делая над собой мучительное усилие, шел, опираясь на ее плечо, к санитарной машине.— Ну-ка, еще раз. Умница! Вот и все».

О том, что дорога простреливается, она сказала, когда все уже были устроены и осталось только принести в машину снятое с бойцов оружие.

— Вот что, товарищи,— сказала она быстро,— мы поедем на полном газу, понятно? Дорога простреливается, понятно? Так что нужно принять во внимание свои головы, чтобы при подбрасывании не разбить. Понятно?

Все было понятно, и никто не удивился, когда машина, слегка подавшись назад, вдруг рванулась и с места во всю прыть помчалась по изрытой танками дороге.

— Держитесь! Раз! — говорила «Кнопка», когда, ныряя в рытвину, машина тяжело кряхтела и начинала, как лошадь, лягать задними колесами. — Есть! Поехали дальше.

Все ближе слышались разрывы снарядов. Черные столбы земли, перемешанной с дымом, вдруг вставали среди дороги, и в одном из таких столбов скрылась и взлетела на воздух сперва телега с фуражом, потом мотоциклист, почему-то стоявший недалеко от шоссе, а потом и сама сторожка, рассыпавшаяся дождем досок, стропил и камня.

— Придется обождать, — обернувшись, крикнул шофер. — Эге! Кнопка!

— Давай дальше, проскочим!

Но проскочить было невозможно. Шофер свернул и, проехав вдоль обочины по полю, поставил машину среди редкого кустарника, которым некогда была обсажена дорога.

Лучшего прикрытия не было. Но и это было не прикрытия. Во всяком случае оставлять раненых в машине, представлявшей собой превос-

ходную цель, «Кнопка» не решилась. Называя их всех без разбора голубушками и умницами, она вытащила бойцов одного за другим и устроила в канаве, метров за 25 от машины.

Был последний жаркий августовский день. Утро прошло. Солнце стояло в зените. Земля, перегоревшая за жаркое лето, была суха, и над нею неподвижно стоял душный, колеблющийся воздух. Вокруг — ни тени. Разве что под машиной, но это была такая тень, что уже и шофер, заглушив мотор, присоединился к бойцам. Очень хотелось пить — и первый сказал об этом маленький лейтенант с перевязанной головой, который всю дорогу подбадривал других раненых, а теперь, беспомощно раскинувшись и тяжело дыша, лежал на дне канавы.

— Нет ли воды, сестрица? — спросил он. И, точно сговорившись, все раненые стали жаловаться на сильную жажду.

Воды не было. Метрах в ста от разбитой шоссейной сторожки виднелся колодезный сруб. Но была ли еще там вода — неизвестно. Если и была, как добраться до нее через поле, на котором ежеминутно рвутся снаряды?

— Где ведро? — спросила «Кнопка» у шофера.

Он посмотрел на нее и молча покачал головой.

— В машине осталось? Да что же ты молчишь? В машине?

— Ну, в машине,—нехотя пробормотал шофер.

— Ты за ними посмотришь, ладно?

И, прежде чем шофер успел опомниться, она выскочила из канавы и ползком стала пробираться к машине.

Это было еще полбеды — доползти до машины и разыскать полотняное ведро в ящике, полном всякой рухлядью, которую шофер зачем-то возил с собой. Она достала ведро и, сложив его, как блин, засунула за пояс. Главное было впереди — добраться до шоссейной сторожки, а самое главное еще впереди — от сторожки, уже не прячась в канаву, дойти до колодца.

Впрочем, первое главное оказалось не таким уж трудным. Канавка была глубокая, а «Кнопка» — маленькая. Так что, если бы время от времени из непонятного ей самой любопытства она не поднимала голову, украшенную косичками, торчавшими в разные стороны над ушами, — эта часть пути казалась бы ей самой обыкновенной прогулкой. Правда, прогуливаясь, она прежде не ползала на животе и не подтягива-

лась на руках, которые при этом быстро уставали. Но тогда было одно, а теперь — другое.

Вот и сторожка, то-есть то, что от нее осталось. За нею начиналось второе главное — немецкие орудия облюбовали именно это место, на котором ежеминутно вставала и далеко разлеталась земля.

До сих пор «Кнопка» не задумывалась над тем, есть ли в колодце вода. Эта мысль только мелькнула и пропала, еще когда она разглядела сруб издалека. Но теперь она снова подумала — а вдруг нет? В первый раз ей стало действительно страшно. Вокруг был такой ад, такой отвратительный вой свистящего и рвущегося воздуха стоял над ее головою, так трудно было дышать, так устали руки, так скрипел на зубах песок — и все это, быть может, напрасно? Но она продолжала ползти.

Сруб стоял на огороде, а огород был отделен изгородью, хотя невысокой и полуразбитой, но которую все же нужно было обойти, чтобы добраться до сруба.

Легко сказать, обойти! Это значило, что, по крайней мере, метров тридцать нужно было ползти под огнем, причем пятнадцать обратных — по совершенно открытому месту.

Руки очень ныли, спину ломало, и «Кнопка», прижавшись лицом к земле и стараясь поровнее дышать, решила, что не поползет. Ведро было на длинной веревке, она перебросит его через изгородь — авось, угодит в колодец.

Четыре раза она перебрасывала ведро, прежде чем оно попало в колодец. Наконец — удалось. Но оно упало бесшумно, и «Кнопка» поняла, что колодец пуст.

С минуту она лежала неподвижно. Не то, чтобы ей захотелось заплакать, но в горле защипало, и она должна была несколько раз вдохнуть, чтобы справиться с сердцем.

— Так нет же, есть там вода! — вдруг сказала она про себя. — Не может быть! Есть, да глубоко.

Она сняла пояс и привязала его к веревке. Ведро чуть слышно шлепнуло — или ей это показалось? Приблизившись к изгороди вплотную и приподнявшись на локте, она ждала несколько секунд. Веревка все натягивалась, она слегка подергала ее и поняла, что ведро наполнилось водой.

— Ну-ка, голубушка, — сказала она не то ему, не то самой себе и стала осторожно вытягивать ведро из колодца. Она вытащила его —

мокрое, расправившееся, полное воды, и, вскочив, быстро перехватила рукою.

Прежде всего нужно было напиться. Воды было много, хватит на всех, может быть умыться? Но умываться она не решилась. Сейчас-то много, но много ли она донесет...

И тут она впервые задумалась над тем, как вернуться обратно с ведром, полным воды,— ведь теперь его не засунешь за пояс. Эх, была не была! И, подхватив его, со всех ног она побежала к сторожке. Снаряд разорвался где-то близко, земля осыпала ее с головы до ног. Она только присела на мгновение, отряхнулась и побежала дальше.

Запыхавшись, приложив руку к сердцу, она остановилась у сторожки и заботливо заглянула в ведро: не очень ли много расплескалось? Не очень. И вообще — гораздо лучше бежать, чем ползти,— совсем не страшно и гораздо ближе. Конечно, не ближе, но почему-то все-таки ближе.

Теперь все было в порядке — от сторожки до машины рукой подать, и можно пройти по канаве.

— Подожду, как станет потише, — сказала она себе, — и айда.

И вдруг она услышала чей-то голос. Сперва

она подумала, что ослышалась, потому что этот слабый голос назвал ее так, как называл ее только один человек во всем мире.

— А, Пучок энергии! Здорово!

— Что? — невольно откликнулась она и в ту же минуту увидела руку, торчащую из-под разваленных досок.

Это был тот самый знакомый боец, который только один во всем госпитале не соглашался на «Кнопку». Последний раз она видела его в Ленинграде, когда он выписывался из госпиталя и снова отправлялся на фронт.

— Сейчас, голубушка! — говорила «Кнопка», осторожно снимая с него разбитые доски, — подождите, милый!

Нужно было, конечно, прежде всего разрезать и снять с него гимнастерку. Но нужно было многое, а у нее, кроме санитарного пакета, ничего не было с собою, и вообще невозможно было перевязывать раненого под таким обстрелом...

Она вспомнила о воде, лишь когда, заставив бойца обнять себя руками за шею, она проползла вместе с ним метров двадцать и была уже рядом с санитарной машиной.

— Ладно, скоро вернусь, — быстро пробормо-

тала она.— Жаль только, что согрелся. Эх, не прикрыла!

Шофер, заметив, что она возвращается не одна, выскочил из канавы и смешно пополз к ней, как обезьяна, на четвереньках. Вдвоем они доставили раненого в укрытие, осторожно сняли с него гимнастерку, и, быстро приговаривая, «Кнопка» стала останавливать кровь и перевязывать раны. Он не очень пострадал. Во всяком случае, «Кнопка» сказала, что через две недели он будет совершенно здоров.

Никто больше не просил пить. Никто даже не спросил у «Кнопки», была ли в колодце вода. Жара стала еще удушливее, и маленький лейтенант лежал, закинув голову и полуоткрыв пересохшие губы. Но он только взглянул на «Кнопку» и не сказал ни слова.

— Ты что, «Кнопка»? — спросил шофер, заметив, что она время от времени нетерпеливо поглядывает на сторожку.

— Ничего, — отвечала «Кнопка». — Кажется, потише становится, а?

Становилось как раз не потише, а погромче, и шофер только сомнительно покачал головой.

— Нет, потише, — упрямо пробормотала

«Кнопка» и вдруг, выскочив из канавы, опростелом побежала к сторожке.

Через несколько минут она вернулась, таща ведро с водой. Правда, назад она летела так быстро, что о добрых полведрах выплеснулось ей на ноги, но еще оставалось много великолепной, не успевшей согреться, чистой, вкусной воды.

— Голубушки, принесла! Честное слово, принесла,— закричала «Кнопка», подтанцовывая и сама глядя на воду с искренним удивлением,— вот так штука! Принесла!

Через полчаса, когда обстрел прекратился и раненые, которых она напоила и умыла, были уложены в карету, «Кнопка» с дороги в последний раз взглянула на этот мертвый, изрытый снарядами кусок земли между колодцем и канавой. Песок вдруг скрипнул у нее на зубах, напомнив о том, как она ползла, подтягиваясь на руках, и как справа и слева рвались снаряды.

— Должно быть, я храбрая, что ли? — неясно подумала она и поправила развязавшуюся ленточку на тугой, короткой косичке.

Впрочем, спустя несколько минут она уже не думала об этом. Машина попрежнему ныряла по рытвинам, и нужно было следить, чтобы кто-нибудь из раненых не ударился головой о раму.